

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МНОГОФАКТОРНОГО АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

.....

И. В. Юрченко*

Многофакторный анализ региональной безопасности основывается на принципе методологического плюрализма. В социальных науках уже сложилась определенная система методов для анализа процессов социальной стабилизации, самоорганизации общностей, возникновения опасностей для развития социальной системы. Поскольку предмет исследования многослоен, внутренне сложен, имеет личностную и социальную природу, необходим междисциплинарный подход и сочетание приемов социологии, конфликтологии, социологии и др. От количественных методов исследователь может перейти к качественным оценкам, от внешнего незаинтересованного понимания практики агентов — к пониманию непосредственно заинтересованному. Принципиально важен вопрос о возможностях социоанализа региональной безопасности в условиях, когда любой анализ будет связан с той или иной степенью ангажированности самого исследователя. Этот вопрос можно конкретизировать: должна ли политическая социология придерживаться принципа аксиологической нейтральности? Ведь многие понятия, обозначающие процессы обеспечения региональной безопасности, имеют оценочный характер.

Объяснительные принципы разных уровней в социальной науке соответствуют теоретико-методологическому плюрализму. Значительная часть явле-

* Юрченко Инна Вадимовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая лабораторией политической социологии Южного научного центра РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта «Безопасность Краснодарского края в контексте современных политических процессов в Черноморском регионе» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природы и среды, социальным и техногенным трансформациям». Подпрограмма по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе»).

ний социальной реальности не поддается описанию в терминах «объективистского языка».

В современных социальных исследованиях сложились натуралистическая, интерпретирующая и оценивающая методологии. Первая принимает за идеал естествознание и провозглашает полную объективность данных и независимость исследователя от каких бы то ни было социальных установок, опирается на точные, количественные, в том числе математические методы.

Интерпретирующая методология является антитезой натуралистической и ее главный аргумент состоит в том, что социальное знание принципиально отличается от знания естественнонаучного. В российском социальном познании это направление конкретизировалось в этикосубъективной школе, а дальнейшее развитие этот подход получил в феноменологии и экзистенциальной философии, а во второй половине XX в. — в этнометодологии и постмодернизме.

В оценивающей методологии комплексно совмещаются теория и практика, когда исследование проводится не столько ради познания, сколько ради преобразований, изменений, реформирования социальной реальности.

Не останавливаясь подробно на широко распространенных методах классических парадигм, использующихся в политической социологии, необходимо актуализировать недостаточно признаваемые у нас методы феноменологии.

Социальная феноменология (особенно этнометодология) в центр исследования ставит созданные людьми смыслы и значения видимой реальности. Соответственно изучению подвергается не сама по себе социальная реальность, а методы, при помощи которых люди создают себе представления о ней, договоренность и согласие о ее смыслах и значениях [15, с. 418–419]. Отсюда роль и значение политического дискурса, который может иметь консолидирующую или деструктивную функцию. Одна из форм феноменологической редукции — замещение явлений объективной действительности их субъективным смыслом или значением. Это — важный аспект анализа субъективных оценок угроз и рисков. Они могут быть как завышенными, так и заниженными. В современном информационном обществе люди все более имеют дело с создаваемыми СМИ образами, которые влияют на модели поведения граждан.

Принцип методологического плюрализма в исследовании региональной безопасности позволяет разрешить противоречие между позитивизмом и феноменологией, так как «из того факта, что люди в своей практической деятельности исходят не только из истинности своих представлений, но и из ожидаемой пользы от своей деятельности, из ее смысла, вовсе не следует, что критерий “полезно — вредно” несовместим с критерием “истинно — ложно”. Наоборот, если результаты деятельности оцениваются как полезные, удовлетворяют потребности людей, то и знания, планы, цели, на основе которых осуществлялась эта деятельность, оказываются истинными» [5, с. 103].

Принципиально важен вопрос о соотношении научной и политической целесообразности проводимых исследований. Например, объективный социальный анализ конфликтного взаимодействия реально никогда не бывает абсолютно нейтральным и полностью беспристрастным. Участники конфликтов, медиаторы, фасилитаторы и исследователи так или иначе всегда ориентируются на некие ценности, идеалы и принципы, как правило, артикулируемые как гуманистические (хотя понимание этих гуманистических ориентиров бывает не только различным, но и взаимоисключающим). Особенно важно, чтобы стремление к объективности сочеталось со стремлением к политической стабилизации, сохранению мира, к успешному социокультурному развитию региона, сохранению этнокультурного своеобразия и обеспечению диалога культур.

Для методологии политического анализа безопасности общества и личности большое значение имеет субъективно бытийный подход, разрабатываемый психологами, философами, социологами. Как справедливо подчеркивает З.И. Рябикина, вследствие порождения новых личностных смыслов и их распространения в пространстве объективных феноменов, они становятся «бытийными пространствами личности, ее продолжением и частью». Человек изменяет бытие в соответствии с тем, как он его осмысливает, в соответствии с тем, какими смыслами он его наделяет. «Глобальная интенция, с которой человек (как все живое) появляется на свет, быть, т.е. поддерживать и расширять свое бытие, овладевать бытийными пространствами» [13, с. 7–8]. При этом человеку нужно полагаться либо на себя, либо на группу, с которой он себя идентифицирует, и таким образом он становится в той или иной мере автономным и ответственным или, наоборот, зависимым и инфантильным (иждивенчески настроенным). В каждом обществе складываются определенные политические условия самореализации индивидов и их групп в связи с этим возникают проблемы терпимости по отношению к плюрализму и культурной многоукладности, к различным, часто противоположенным образам жизни и традициям.

Если в обществе отсутствуют или исчезают традиционные точки опоры (будь то единая культура или всеми разделяемые научные выводы), от людей требуется наивысшая степень терпимости ко всему инаковому, требуется «признавать право непохожего на тебя, неприемлемого для тебя существования. Для многих это — поистине драматическая ситуация» [14, с. 20]. Сложности особенно велики в тех случаях, когда государство включает в себя несколько этнических, религиозных и лингвистических групп. Множественность культур — это объективное обстоятельство для Российской Федерации.

Российская политическая стратегия ориентируется на сохранение единства страны, укрепление государственности и усиление эффективности исполнительной власти в центре и в субъектах Федерации. Но чтобы обеспечить территориальную целостность на основе толерантного и добровольного сосуществования разновеликих и разнокультурных частей, как в географическом, так

и в ментальном плане, необходимо всестороннее изучение не только глобальных, но и региональных процессов. Вот почему в научных исследованиях наметилась тенденция к формированию регионального подхода, что особенно ярко выражено в развитии таких отраслей научного знания как регионоведение, политическая регионалистика, региональная конфликтология и др. (см., например, [1; 2]). Создаются научные центры по изучению региональных проблем, учреждаются научные журналы и издательства, регулярно проводятся региональные научные конференции¹.

Особое внимание во многих регионоведческих исследованиях уделяется Северному Кавказу, Югу России, что объясняется необходимостью укрепления безопасности и кардинального обновления политики в этом регионе в связи с теми событиями, которые происходили на протяжении 1990-х гг. и начала XXI в. Характеризуя социально-экономическую картину в Северо-Кавказском регионе в 2004 г., Президент России В. Путин отмечал, что она «по-прежнему плачевная» и что регион «недопустимо отстает по уровню жизни от других российских территорий. Достаточно сказать, что уровень безработицы здесь в разы выше, чем в среднем по России, а в таких республиках, как Ингушетия, Чечня, Дагестан, она носит поистине массовый характер. Показатели среднедушевых доходов за месяц в Южном федеральном округе в полтора раза ниже, чем в среднем по стране, а, например, в Ингушетии — почти в четыре раза». В то же время «Северный Кавказ — это важнейший стратегический регион России. И сейчас он одновременно является и жертвой кровавого террора, и плацдармом для его воспроизводства. Именно здесь идеологи международного терроризма действуют особенно активно» [9, с. 14], при этом они откровенно используют в своих преступных планах недоработки властных структур в социально-экономической политике.

В постсоветский период в регионах сформировались разные политические режимы и модели реализации власти, причем традиционно сильная центральная власть стала вытесняться региональными элитами, пытающимися завоевать значительную автономию и усилить свое влияние за счет популистских лозунгов о самодостаточности и даже превосходстве над другими регионами, о государственной эксплуатации провинции и т.п. Региональные руководители, стремясь к независимости от центра, использовали общее недовольство граждан проводимыми реформами, и главный вектор конфликтных взаимодействий был обусловлен отношениями представителей региональных элит с Москвой, с центральной властью.

¹ Институт региональных проблем (директор М. Дианов); Южный научный центр РАН издает «Вестник ЮНЦ РАН»; Центр Кавказских исследований в составе Научно координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России издает аналитические записки «Проблемы безопасности на Кавказе»; выходит «Гуманитарная мысль Юга России», «Региональный научный журнал» и др.

Усиливающаяся регионализация, появление различных концепций регионализма имели особое значение именно на фоне глубинного политико-экономического и мировоззренческого кризиса. Получило распространение так называемое региональное моделирование, распространение идеи специфических вариантов регионального развития. Как отмечает Э.Н. Ожиганов, «в Российской Федерации имеются специфические особенности, которые необходимо учитывать при оценке экономической, демографической и политической среды регионов. К ним относятся теневая экономика, неучтенные доходы и латентные отношения в сфере власти и администрации» [8, с.168]. Например, существуют заметные региональные различия в масштабах теневого производства. Доля неучтенного официальной статистикой производства особенно велика, с одной стороны, в крупных центрах, с другой — в депрессивных, преимущественно аграрных регионах, а также в районах, тесно связанных с зарубежьем. Рост неучтенных производств заметен и на Юге России: в Ростовской, Астраханской, Волгоградской, Воронежской областях, в меньшей степени — в Краснодарском и Ставропольском краях [8, с. 168].

Регионы порой относятся друг к другу ревниво и подозрительно. Разница уровней жизни, «административная ревность» регионов, международный и геополитический факторы вызывают всевозможные претензии и противоречия. По мнению аналитиков, именно этнический компонент выступает доминантной чертой конфликтного процесса на Северном Кавказе [1, с. 18].

Исследование феномена региональной безопасности предполагает рассмотрение двух взаимосвязанных процессов, свойственных современному этапу развития общества: «глобализации» и «регионализации». Если понятие «глобализация» показывает, что, несмотря на все издержки, в человеческой истории происходят качественные изменения и продвижение к новому состоянию общества, то понятие «регионализм» характеризует неравномерное, специфическое и не везде одинаковое развитие конкретных локальных социумов, их включенность или противодействие процессам глобализации [6, с. 106].

Предполагается, что в основе регионализма должно лежать понимание того, что только через сотрудничество и партнерство со своими соседями каждый отдельно взятый регион может максимально обеспечить свои региональные интересы. В результате вырабатывается региональное самосознание. Однако на практике регионализм (точнее, субгосударственный регионализм) чреват серьезными коллизиями и конфликтами, порой приводящими к системному общественному кризису, к возникновению особого типа геополитического поведения, опасного для целостности государства. Сепаратистски ориентированные региональные элиты могут просто находиться в оппозиции к центру, а могут стремиться и к эскалации конфликтов за счет попытки вовлечения соседних территорий в орбиту собственных интересов и создания межрегиональных объединений.

Социоанализ есть не что иное, как интерпретация динамики социальных взаимодействий между акторами того или иного процесса с учетом влияния многочисленных факторов по степени их значимости. Различные парадигмы в социальных науках предлагают объяснительные модели, опирающиеся на логику и методологию в параметрах тех значений, которые представляются наиболее убедительными их авторам. Поэтому часто возникают противоречия методологического характера, которые приводят к различным, несовместимым или даже ошибочным, формальным, поверхностным оценкам условий и причин поведения объектов анализа. Чтобы определить, какие именно характеристики деятельности и среды подлежат интерпретирующему анализу, их оценивают как «существенные» для определенных ценностных ориентаций.

Социоанализ региональной безопасности не может быть только отображением, описанием той или иной ситуации в регионе, а должен включать в себя интерпретирующую составляющую многофакторного процесса на основе определения существенных фактов для политической, геополитической стратегии государства. Социоанализ охватывает множество фактических данных (политических, демографических, психофизических, экономических и др.) которые рассматриваются как компоненты конфликтного процесса в регионе. Однако важно установить в качестве основных объектов научной интерпретации факты, обладающие существенным для стратегии государства характером, так как региональные конфликты, как правило, происходят не в локальных, изолированных условиях, а в сложном взаимодействии внутренних и внешних факторов, совокупность которых определяет динамику и характер конфликтного взаимодействия в регионе.

Так, в Краснодарском крае наиболее конфликтогенной является проблема массовой миграции. По численности населения край занимает третье место среди субъектов РФ после Москвы и Московской области. Значительная его часть на юго-востоке и северо-востоке малопригодна для проживания, поэтому основная масса населения сосредоточена на Черноморском побережье и в самом Краснодаре (приблизительно 70 человек на 1 кв.м), при этом общая численность прибывших за последние 10 лет в край мигрантов превышает 1 млн человек, а суммарная численность населения края — 5 млн. человек. Неконтролируемая миграция (официально зарегистрировано 50 тыс. беженцев) приводит к дополнительной нагрузке на социальную сферу, создает напряженность на рынках труда, заметно меняет этническую карту края. В крае, где проживали представители 124 национальностей, нарушается исторически сложившийся баланс численности этнических групп [4, с. 144]. Опасность возникновения конфликтов на межэтнической почве резко увеличивается из-за того, что представители многих диаспор имеют склонность к компактному проживанию. На Кубани опережающими темпами растут цены на жилье, продукты питания и предметы первой необходимости.

Наиболее сложной познавательной проблемой является выработка понятий для описания структуры значений, которая выстраивается как конфликтная региональная модель. Модель рассматривается как концептуальный инструмент, нацеленный в первую очередь на управление моделируемым процессом или явлением. Ограничивающая возможность моделей заключается в том, что они являются стратегическими по своей сути, однако действительность постоянно изменяется, поэтому необходимо динамическое моделирование процессов взаимодействия, влияющих на состояние безопасности и появление новых угроз и рисков.

В исследовании процессов региональной безопасности возможно применение методологии анализа иерархических процессов, учитывающей как многофакторность, так и динамичность [8, с. 76]. Прежде всего, необходим анализ и системное моделирование взаимодействия главных сил, находящихся в состоянии противоборства с учетом их основных ресурсов и тактики поведения, что позволит определить наиболее вероятные сценарии развития ситуации в определенный промежуток времени. Системная модель конфликтной ситуации основана на определенной классификации, т. е. выделении из всего множества событий и явлений, оказывающих воздействие на региональный конфликт, тех факторов, которые, с точки зрения аналитика, имеют решающий вес. В структуру системной динамической модели, как правило, включают: системные факторы (внешние и внутриэкономические, внешне- и внутривнутриполитические, социальные); субъектные факторы (основные политические акторы); ресурсные факторы (использование суггестивных технологий, обладание символическим капиталом и организационными возможностями артикуляции и тиражирования своей политической формулы); тактические приоритеты основных участников регионального конфликтного процесса.

Поскольку социально-политическая сфера обладает значительной долей иррациональных элементов, возможность построения моделей регионально-конфликтного процесса является проблематичной, а сам метод — ограниченным. Поэтому он должен быть дополнен качественными методами, позволяющими интерпретировать не только рациональные, но и иррациональные действия. Широкий спектр важных и интересных идей связан с символическим интеракционизмом, для которого в свою очередь важнейшим интеллектуальным источником являются философия прагматизма и психологический бихевиоризм. Изучение значений и символов, способы их модификации, анализ фреймов позволяют обнаружить структуры, которые невидимо управляют человеческим поведением. Региональный конфликт, рассматриваемый как символическое взаимодействие и как коммуникативная технология противоборства, может быть понят и как информационное состязание.

По мнению А.Н. Чумикова, «цель информационного противоборства — диагностировать собственное положение и положение противника и в зависимос-

ти от этого выбрать способы поведения» [18, с. 30], т.е. информация в общественном механизме является не нейтральным элементом, а орудием борьбы и тот, кто контролирует информационные потоки, может решающим образом воздействовать на коллективное сознание и способен определенным образом управлять поведением тех или иных общностей, от которых зависит развитие регионального конфликта.

Важным аспектом в многофакторном исследовании региональной безопасности может быть социоанализ П. Бурдье на основе понятий габитуса и социального поля. Агенты, занимающие определенные позиции в рамках социального поля, реализуют разнообразные стратегии, используя имеющиеся у них ресурсы (культурный капитал, социальный капитал, символический капитал, политический капитал). «Социальное поле является местом действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле», — отмечал П. Бурдье [3, с. 109]. То есть понятие «поле» является инструментом исследования регионального пространства, позволяющим обеспечить диалектическую взаимосвязь между объективными структурами и субъективными явлениями. Свой подход Бурдье, отражая важность диалектики структуры и человеческого конструирования социальной реальности, называет «конструктивистским структурализмом», «структуралистским конструктивизмом» или «генетическим структурализмом» [12, с. 457].

Постмодернистская парадигма влечет за собой выдвижение феномена дискурса на передний план, придавая ему фундаментальный статус в социальном, в том числе и конфликтологическом исследовании. Слово есть точка соединения формы и смысла в каждом моменте дискурса. Для методологии дискурс-анализа важно определить различие между наблюдением и пониманием. Наблюдение — это сенсорный опыт, оно направлено на доступные для восприятия вещи и события и имеет индивидуализированный характер. Понимание — это коммуникативный опыт, оно направлено на смысл выражений. Учение о понимании — герменевтика — стало специфическим методом наук о духе уже в XIX в. (начиная со Шлейермахера). А в XXI в. оно еще более востребованно. В своей работе «Конфликт интерпретаций» П. Рикёр называет «герменевтикой всякую дисциплину, которая берет начало в интерпретации», а слову «интерпретация» придает «его подлинный смысл: выявление скрытого смысла в смысле очевидном». «Задача герменевтики заключается в том, — пишет он, — чтобы сопоставить друг с другом различные употребления двойного смысла и различные функции интерпретации» [11, с. 332, 333].

Таким образом, герменевтика невозможна без дискурс-анализа, а он в свою очередь основан на герменевтике. Дискурс-анализ как метод исследования регионального конфликта предполагает изучение языковой коммуникации в

контексте определенной социальной ситуации, а сам термин «дискурс» понимается как «речь, погруженная в жизнь», как «текст плюс ситуация» [7, с. 88].

Сложившаяся на Юге России ситуация, связанная с бесконтрольными миграционными потоками в постсоветский период, обусловила тематизацию политического дискурса по отношению к мигрантам. Характерно, что в этом дискурсе был как конфликтный, так и интеграционный потенциал. И в обществе можно было проследить флуктуации протеста и поддержки формирующейся миграционной политики разными социальными и этническими группами. Параллельно то усиливалось, то ослаблялось конфликтное противоборство акторов этнополитических отношений, таким образом подтверждая идею дискурсивного конструирования реальности.

В связи с этими тенденциями в отечественной научной литературе началось обсуждение очень важного вопроса: почему в периоды общественных потрясений возникают образы демографических катастроф и феномен страха вымирания населения? Директор Института этнологии и антропологии РАН, член Общественной палаты РФ В.А. Тишков считает, что необходим антропологический анализ современного российского общества и его регионов, поскольку в публикациях преобладает неадекватность научных, журналистских и политических оценок реальной ситуации в России, той повседневности, которой живут люди. «Неадекватность сама по себе является культурным феноменом, и она требует отдельного анализа. Кто, как и почему в России и за ее пределами воспроизводит парадигму кризиса и даже образ умирающей страны? Это не только вопрос плохого понимания по причине неспособности государственных служб и ученых собрать добротную статистику о жизни общества в новых условиях или по причине отсталой методологии обществоведческого анализа... Это также вопрос политики и человеческих эмоций» [16, с. 3]. Неадекватность является и серьезным конфликтогенным фактором в этом регионе.

Таким образом, сам научный дискурс, а не только политический, оказывает непосредственное влияние на конфликтный и интеграционный потенциал в регионе, поскольку знание определенным образом генерирует власть [17]. Это особенно относится к идеям этико-субъективной школы и методологического плюрализма, распространенные именно в российской социологии XIX – начала XX в., которые в XXI в. вновь становятся востребованными и должны развиваться на основе серьезных парадигмальных направлений в зарубежной и отечественной социологии и на стыке различных социальных наук.

Библиографический список

1. *Авксентьев В.А., Шаповалова В.А.* Ключевые проблемы конфликтологических исследований с учетом социально-политической специфики региона // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.
2. *Баранов А.В., Вартумян А.А.* Политическая регионалистика. М.: Союз, 2004.

3. *Бурдье П.* Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдье: Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб.: Алетейя, 2001.
4. *Дмитриев А.В., Слепцов Н.С.* Конфликты миграции. М.: Альфа-М, 2004.
5. *Ельмеев В.Я.* Социальная феноменология (к вопросу о феноменологии объективного социального мира) // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994.
6. *Ковальский Н.А.* О соотношении глобализации и регионализма // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. М.: Интермедиалект, 2001.
7. *Марков М.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
8. *Ожиганов Э.Н.* Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы. М.: Аспект-Пресс, 2006.
9. *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов РФ 13.09.2004 г. // Демократия против террора. М., 2004.
10. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб.: Петрополис, 1997.
11. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2002.
12. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. М.: Питер, 2002.
13. *Рябкина З.И.* Личность, как субъект бытия и события: психологический аспект анализа // Личность и бытие: субъектный подход: психология субъекта и гендерные аспекты бытия личности: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. З.И. Рябкина, В.В. Знаков. Краснодар: КубГУ, 2005.
14. Теория и жизненный мир человека М.: Ин-т философии РАН, 1995.
15. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985.
16. *Тишков В.А.* О российском народе. М.: ЦИК ВПП «ЕР» , 2005.
17. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
18. *Чумиков А.Н.* Управление конфликтами. М.: Интерлигал, 1995.